

Андрей Степанов: Любовь и нелюбовь к Чехову | Andreï Stepanov: L'amour et non-amour pour Tchekhov

Author: Лекцию законспектировала Надежда Сикорская, [Genève-Женева](#) , 10.04.2019.

Профессор Андрей Степанов на лекции в Русском кружке (© Nashagazeta)

Доклад на эту интригующую тему прозвучал неделю назад на Русском кружке Женевского университета. Он произвел на нас такое впечатление, что захотелось донести хотя бы основные его моменты до не попавших на лекцию читателей.

|

Une conférence sur ce thème original a été organisée par le Cercle russe de l'Université de Genève, la semaine dernière. Elle nous a tant impressionnée que nous avons décidé de partager son contenu avec vous, avec quelques coupures.

Andreï Stepanov: L'amour et non-amour pour Tchekhov

Редакция Нашей Газеты гордится многолетними партнерскими отношениями с [Русским кружком Женевского университета](#), несколько лет назад отметившим свое 50-летие. Мы регулярно ходим на его заседания – не на все, так как одни темы интересуют нас больше, другие – меньше. Но увидев анонс, тема которого вынесена в заголовок, сразу решили идти: из безусловной любви к Чехову, из-за того, что в последнее время в Швейцарии его много ставят и мы сами много о нем пишем, и из-за внушительного резюме лектора, любезно позволившего записать свое выступление.

Андрей Дмитриевич Степанов — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета, переводчик, прозаик. Автор монографии «Проблемы коммуникации у Чехова» (2005), более 170 научных статей, сборника рассказов «Сказки не про людей» (2009) и двух романов, а также двадцати книг переводов с английского (Д. Дефо, Э. Гаскелл, Э. Манро, Э. Р. Берроуз, Д. Дюморье и др.). Финалист премии «Новая словесность» (2009), лауреат премии им. Н. В. Гоголя (2011).

53-летний профессор появился в аудитории в белой рубашке, темном пиджаке и джинсах, явив собой некий собирательный чеховский образ. Поставив на кафедру, лицом к аудитории, фотографию знаменитого портрета Чехова, выполненного Осипом Бразом в 1895 году, когда Антон Павлович писал «Чайку», он огласил основные темы, которых собирался коснуться в отведенный ему час с небольшим. Слушателям были обещаны краткая история становления репутации писателя при жизни и в первое десятилетие после смерти, анализ феномена «нелюбви» к Чехову некоторых поэтов Серебряного века и сложного отношения к нему Иосифа Бродского, а также рассуждение о причинах популярности чеховских пьес и рассказов у людей самых разных культур, от Японии до Великобритании и от Финляндии до Экваториальной Африки. Будем придерживаться этого плана и мы.

Осип Браз. Портрет А. П. Чехова, 1895 г.

Формирование репутации писателя

В качестве небольшого вступления Андрей Дмитриевич отметил, что тема о любви и

нелюбви к Чехову не совсем частная, поскольку Чехов воспринимается как некое зеркало, отражающие самого человека. И привел несколько высказываний о Чехове, дающих представление об эффекте его личности на современников, как любивших его, так и не очень. «Чехов – фонограф, который передает мне мой голос, мои слова» (Иннокентий Анненский). «В Чехове Россия полюбила себя» (Василий Розанов). «Все – плагиат из Чехова» (неизвестный провинциальный журналист, 1910 год). Для одних Чехов – гуманист, для других – разрушитель человечества, глубокого верующий христианин vs безусловный дарвинист, доктор, естествоиспытатель... Постепенно формируется определенная репутация, и где-то с 1910-1914 гг. Чехов становится классиком русской литературы, которого ставят в ряд с великими, а пытаюсь объяснить любовь/нелюбовь, повторяют уже сказанные кем-то готовые фразы.

Формирование репутации писателя – интересный вопрос социологии литературы. Нам кажется, что они всегда были гениями, классиками. Однако у каждого своя история. В 2001 году Абрам Ильич Рейтблат, ведущий российский социолог литературы, опубликовал книгу с провокационным названием «Как Пушкин вышел в гении», многих возмутившим. «Для литературоведов, даже прогрессивных, это было то же, что для верующего услышать «Как Иисус Христос вышел в боги». Рейтблат показал, что, признанный классиком в 30 лет, Пушкин до того очень правильно себя вел, используя определенные стратегии: дружил с нужными людьми; все время печатался; вовремя стал байронистом, заполнив «вакансию» поэта-романтика; выполнил соцзаказ, написав первую русскую поэму «Руслан и Людмила» и т.д. Несмотря на все это, в 1830-е годы он начал терять своего читателя, и понадобился Белинский, чтобы...

Примерно то же самое можно сказать о Чехове, с одной поправкой: он вышел в гении вопреки критике.

Отношение к Чехову прижизненной критики

Особенность Чехова как писателя состояла в том, что первые 6 лет своего творчества он работал в изданиях «малой прессы», критикой вообще не замечавшихся, но, по словам Б. М. Эйхенбаума, показывавших Россию вширь, описывая быт и не ставя крупных вопросов. Мережковский назвал Чехова бытописателем. Сборник «Пестрые рассказы» (1886), дебют с повестью «Степь» в толстом журнале и начало сотрудничества в крайне правой газете Суворина «Новое время» знаменуют его вход в большую литературу. «Критика в полном недоумении. Признавая безусловный талант – люди как живые, описание природы не хуже, чем у Тургенева, и жизненных коллизий, встречаемых на каждом шагу, – она не знает, как это оценить». Возникает оценка «пантеизм», когда бог растворен в природе, нет плохого и хорошего и любая вещь описывается с одинаковым интересом. Эта мысль развивается в статье Н. К. Михайловского «Об отцах и детях и о господине Чехове», тогда же появляется метафора фотографии применительно к творчеству писателя.

Антон Павлович Чехов, 1889 г.

Загадка в том, почему рассказы Чехова, часто острой социальной направленности, не нравятся социальной критике? Один из возможных ответов – Чехов изображает равнодушных людей. Со временем позиция его меняется, и появляется «Скучная история», напоминающая «Смерть Ивана Ильича». «Критика сразу успокаивается и начинает писать о Чехове в спокойных тонах», используя такие слова, как атмосфера, настроение, сумерки. Тем временем публика, не читающая критику, находит «своего» Чехова, его популярность растет как на дрожжах, чему способствует успех «Чайки» и последующих трех пьес.

В июле 1904 года Чехов умирает в возрасте 44 лет, и с этого момента начинается новый этап любви к нему: выходит огромный поток мемуаров, часто простых людей, отмечающих его необыкновенные человеческие качества. Три самых известных воспоминания о Чехове принадлежат Горькому, Бунину и Куприну. В них раскрывается образ очень скромного, деликатного человека, всю свою жизнь посвятившего народу. «Как тут не вспомнить, что народническому критику Михайловскому, судившему о деревне лишь по своему имени, не понравилась повесть «Мужики»?»

Публикуются письма Чехова, подарившие огромное количество афоризмов и ставшие бестселлерами. «Сестра писателя, Мария Павловна, готовила письма к публикации, закрашивая одни места тушью, а другие вырезая маникюрными ножницами, что создает большие проблемы для литературоведов». Возникает приглаженный образ, ролевая модель: образец русского интеллигента, как на портрете Браза, размноженного в виде открытки массовыми тиражами. К 1914 году образ полностью создан.

Параллельно возникает тенденция к демифологизации и выражению разных форм нелюбви, которую можно разделить на два потока. Первый – завистники, Сальери, имена которых не-специалистам сегодня ничего не скажут. Второй – символисты.

Нелюбовь к Чехову поэтов-символистов Серебряного века

Начнем с отзыва Марины Цветаевой: «Чехова с его шуточками прибауточками усмешечками ненавижу с детства». Эта фраза показывает не всегда лежащие на поверхности свойства Марины Ивановны: ее необычайную серьезность всем, что она делает; небоязнь пафоса, что Чехову было органически чуждо; презрение к толпе, к обывателям, к читателям газет и «глотателям пустот», которые не берут ее книги, пылящиеся на полках в ожидании своего черед. Это последнее свойство дает понять, почему она и многие другие современники не любили популярного Чехова.

Всю литературу можно поделить на два класса. Первый: произведения писателей, для которых те, о ком они пишут, и те, кто их читает, – разные люди. Второй: произведения писателей, которые пишут о тех, кто их прочтет. Понятно, что поэты-символисты и даже реалисты, как Достоевский, принадлежат к первой категории, а Чехов ко второй. И его установка «на читателя» не изменилась на всем протяжении его творческой жизни.

Антон Чехов - средний русский интеллигент

«По большому счету, можно сказать, что Чехов – средний интеллигент, который пишет о средних интеллигентах для средних интеллигентов. Другое дело, как он это делает. А делает он это настолько тонко, что его сочинения может прочитать любой поэт-эстет. Даже Набоков, который высокого его ценил.»

Почти у каждого из великих символистов есть реплика в сторону Чехова: Брюсов, Анненский, Ахматова. Холодное уважение, но без любви, упреки в сухом уме, беспросветной скуке, высмеивании людей искусства. Фаина Раневская, урожденная Фельдман, взявшая псевдоним в честь героини Чехова, очень переживала, что обожаемая ею Анна Андреевна не любит обожаемого ею Антона Павловича. Давалось, среди прочих, такое объяснение: Ахматова так хотела расстаться с Анной Горенко, что не могла смотреть на сцене «Трех сестер», слишком напоминавших ей себя. То есть опять – зеркало.

Всего одно высказывание есть у Осипа Мандельштама – заметка о «Дяде Ване», о сложных переплетениях действующих лиц, не позволяющих разобраться, кто есть кто и кому кем приходится. У Чехова, по Мандельштаму, нет действия, есть

«сожительство с присущими ему неприятностями». Мандельштам противопоставлял Чехову Гольдони, Ахматова – самого Гомера.

Бродский немного повторяет Цветаеву и Ахматову. Он дважды упоминает Чехова в своих стихах, причем один раз – в контексте почти физиологического неприятия. При этом его стихотворение «[Посвящается Чехову](#)» из 333 слов считается одним из лучших в его позднем творчестве. В нем тонко зашифрованы многочисленные отношения, в частности, Мандельштама и Ахматовой, а сама структура воспроизводит структуру чеховских пьес и попытку разобраться «кто кому дядя». Чеховское томление сексуализируется у Бродского, что дает основание говорить об определенном соревновании между ними. Общее у них – понимание ценности каждого момента.

Отношение к Чехову в современной России

Чехов – давно школьный классик, каждый ребенок обязан прочитать несколько рассказов и «Вишневый сад». Это вызывает определенный бунт и отталкивание, но в целом отношение ровное. Исключения есть, но редкие. «С большим трудом я нашел известного человека, который не любит Чехова. Это известный русский националист, автор выражения «русская весна», идеолог присоединения Крыма и Донбасса Егор Станиславович Холмогоров». В отличие от большинства националистов, он – серьёзный историк, талантливый публицист и блоггер, «хотя все, что он пишет, направлено на то, чтобы сильно исказить русскую историю и современность в пользу русского народа и России, как он ее понимает.» Он обожает Достоевского и Солженицына и терпеть не может Чехова, о чем пишет в статье, созданной в Гурзуфе, где есть музей Пушкина и дача Чехова, объединенные в единый мемориальный комплекс, затвердивший существование русской литературы в Крыму. «При этом Пушкин был в Гурзуфе три недели. Его путешествие по Крыму длилось не больше месяца и было для самого Пушкина путешествием в экзотический край.» Именно там, на пароходе, начался, с элегии «Погасло гневное светило», его байроновский период, кульминацией которого стал «Бахчисарайский фонтан», калька с восточных поэм Байрона. То есть Крым для него – не совсем Россия, а далекая экзотическая страна.

А. П. Чехов (1860-1904)

Чехов жил в Крыму шесть лет, но вынужденно – тогда считалось, что туберкулез можно вылечить только климатом. Все его письма оттуда наполнены тоской по Москве, злыми словами в адрес Ялты, где он чувствует себя как Дрейфус на Чертовом острове.

В той же Ялте стоит памятник Лесе Украинке, также лечившейся там от туберкулеза. «Так что написанное господином Холмогоровым – это, мягко говоря, если не вранье, то изгибание реальности в пользу русского народа».

Рассуждая об «Острове Сахалин», результате пяти лет трудов Чехова, воспринимавшемся русскими либералами и журналом «Русская мысль» как «подвиг честного человека», Холмогоров пишет, что писатель ехал туда не врачом, но формально проводить статистическое обследование («это уже вранье»), а на деле писать клевету на каторжную действительность. На обратном пути Чехов, согласно Холмогорову, изучал в Японии гейш – «что уж совсем вранье, поскольку в Японии Чехов не был». Выдвигается теория заговора Чехова с польскими ссыльными... При этом Чехов изначально даже не предполагал, что его допустят к каторжным – в итоге генерал-губернатор Корф разрешил ему встретиться с заключенными, за исключением политических. «Чехов не объективен, он искажает действительность, потому что он пишет, что на Сахалине дети питаются одной брюквой», - пишет Холмогоров, при этом брюква упоминается в тексте только один раз: «Рассказывают про целые семьи, которые в течение зимы не имели ни куска хлеба и питались одной только брюквой».

Все это не мешает Холмогорову утверждать, что Чехов игнорирует действительность. То есть тезис о зеркальности вновь подтверждается: рассуждая о войне на Донбассе и о Чехове, Холмогоров пишет абсолютно одинаково. К счастью, это в наше время исключение, идеологических противников у классика практически

нет, мало кому придет в голову обвинять Чехова в русофобии. Простые же читатели, не способные сформулировать, за что они любят Чехова, повторяют известные штампы из критики. Единственный сборник, вызывающий некоторое неприятие публики, называется «Психопат» - слишком много страданий для среднего человека.

Феномен любви к Чехову людей разных стран и народов

Совсем недавно был закончен огромный труд: три тома «Чехов и мировая литература» в серии «Мировая литература». Там есть главы об Америке, Азии, Африке, обо всех европейских странах, кроме Швейцарии, если не считать писем странной русской эмигрантки Фейги Фриш, решившей переводить Чехова на немецкий и попросившей его прислать ей рукопись. Чехов не ответил.

Любопытно, каким образом Чехов вплетается в историю культуры каждой из описываемых стран, во многих из которых существует по несколько переводов его сочинений, как следствие противостояния «переводов для элиты» и «для народа» (Греция, Китай). В некоторых странах происходил двойной, а то и тройной перевод: в Индии на пенджабский язык Чехов был переведен с урду, на который он был переведен с английского, на него – с французского, а на французский уже с русского. То есть для верящих в переселение душ индусов душа Чехова пять раз переселялась из одного языка в другой. При этом и индусы, и китайцы, и англичане считают Чехова своим.

Интересно, что такое же мнение разделяют многие жители Экваториальной Африки – от Сенегала на восток, где очень хорошо знают Чехова благодаря полупрофессиональным театрам, гвоздь репертуара которых – его комедии [«Медведь»](#) и [«Предложение»](#). (Кстати, в свое время Николай Второй тоже играл в «Медведе», вместе с дочерью!) Причина успеха: понятные сенегальцам темы – обсуждение родственников, дележ земли... Достаточно поменять имена, заменить псовую охоту на лошадей, и перед вами – сенегальская действительность, зритель принимает на ура.

Японская исследовательница Саата Сэра сформулировала восемь признаков, призванных пояснить, почему Чехов – японец. Вот они:

1. У Чехова нет громких событий, изображается быт, это похоже на хайку.
2. Глубочайшее внимание Чехова к временам года
3. Строгая критика человека и теплое его прощение.
4. Настроение.
5. Огромная роль подтекста.
6. Молчание и паузы, близкие дзен-буддизму.
7. Музыкальность: все начинается форте и заканчивается пианиссимо.
8. Вера в человека, прогресс и оптимизм.

Тут остается вспомнить слова Льва Шестова, считавшего, что на протяжении 25 лет Чехов убивал человека, и прикинуть, по каким признакам можно считать Чехова швейцарцем.

Статьи по теме

[Русскому «Кружку» Женевского университета 50 лет!](#)

[Комедии Чехова в женевском Театре Crève-Cœur](#)

[А.П. Чехов как мерило швейцарской культуры](#)

[В поисках чеховской нежности и милосердия](#)

[«Три сестры» потерялись по дороге в Москву](#)

[«Мы отдохнем... » ?](#)

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/andrey-stepanov-lyubov-i-nelyubov-k-chehovu>